

**ДАГЕСТАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ДИССЕРТАЦИОННЫЙ СОВЕТ К 212.053.03**

На правах рукописи

Ахмедова Таисия Фазиловна

**Метафизика языка в творчестве Иосифа
Бродского (на материале эссе)**

Специальность
10.01.01 – русская литература

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Махачкала – 2012

Работа выполнена на кафедре русской литературы Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Дагестанский государственный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Мазанаев Шабан Абдулкадырович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор **Ханмурзаев К.Г.**
кандидат филологических наук, доцент **Халимбекова М. С.**

Ведущая организация: **ФГБОУ ВПО: «Пятигорский государственный лингвистический университет»**

Защита состоится 7 марта 2012 года в 14.00 часов на заседании диссертационного совета К 212.053.03 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук в ФГБОУ ВПО: «Дагестанский государственный университет» по адресу: 367025, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 37, ауд. 42. (тел. 8 (8722) 67–09–94)).

Диссертация принята к защите 23 ноября 2011. Объявление о защите диссертации и автореферат размещены на официальном сайте Дагестанского государственного университета www.dgu.ru и сайте Министерства образования и науки РФ referat_vak@mon.gov.ru 29 января 2012 г.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО «Дагестанский государственный университет» (367003, г. Махачкала, ул. Батырая, 1.).

Автореферат разослан «30» января 2012 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук,
доцент

Э.Н. Ширванова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Творчество Иосифа Бродского (1940–1996) – значительное явление литературы XX века. Оно отразило различные литературные искания: отношение к современной реальности и к метафизическим проявлениям бытия, времени и пространству; обусловленность картины мира культурными и психологическими архетипами, национальными и общекультурными моделями мира, отношение к поэтической традиции; зависимость поэтического мира от языка и возможность смены языкового мышления.

Творчество Бродского обладает «онтологическим каркасом», основными категориями которого называют Культуру, Время, Пространство, Небытие и, конечно же, Язык [137, с. 76].

Тема настоящей диссертации – «Метафизика языка в творчестве Иосифа Бродского (на материале эссе)» – предполагает изучение образа языка как особой системы, картина которой преображалась в процессе вхождения Бродского в англо-американскую культуру; выявление круга англо-американских писателей, творчески воспринятых и интерпретированных Бродским; исследование художественного мира, представленного в эссеистике поэта.

Актуальность исследования определяется значимостью категории языка в жизни и творческом развитии Иосифа Бродского: сначала русский, а потом и английский языки были предметом его интереса, а после эмиграции английский становится языком его поэтического и прозаического творчества (Бродский называл себя «русским поэтом, англоязычным эссеистом и американским гражданином» [85, с. 206]).

Одним из следствий своеобразного «языкоцентризма» [139, с. 45] Бродского является то, что язык становится самостоятельной темой его поэзии и прозы, и этот феномен не раз привлекал внимание исследователей, хотя специальное изучение взглядов поэта на язык только начинается, – это отдельная проблема, требующая осмысления. Для решения данной задачи необходимо собрать и классифицировать различные высказывания Бродского о языке, а также пронаблюдать их претворение в его произведениях.

Важность выбранной темы связана и со следующим фактом: недостаточность рационально-логического способа постижения феноменов личностного опыта, выявленная в XX веке, привела Бродского к использованию «нетрадиционной формы философствования», к которой относят эссе. В своих эссе данный автор вышел за пределы литературоведческих и историографических представлений. Именно названный жанр оказался самым подходящим способом выражения философствования (как особого состояния сознания, формы мышления и его результатов) для экзистенциального типа мировосприятия, близкого Бродскому. Его эссе как способ философско-художественного мышления не было специальным предметом литературоведческого осмысления.

Актуальность настоящего исследования также обусловлена необходимостью расширения диапазона изучения языковой личности И. Бродского, а также стремлением к дальнейшему сопоставительному анализу концепций двух языков, которыми владел автор-билингв.

Объект и предмет исследования. Объектом нашего исследования являются эссе Иосифа Бродского «С любовью к неодоушевленному. Четыре стихотворения Томаса Гарди», «О скорби и разуме», «Поклониться тени», «Меньше единицы», «Полторы комнаты», «Путеводитель по переименованному городу», «Путешествие в Стамбул», «Поэт и проза», «Путешествие в Стамбул», «Набережная Неисцелимых» («Watermark»), и др. как наиболее характерные примеры взаимодействия языка с другими образами в поэтике исследуемого автора. Выбор творчества И. Бродского в качестве материала исследования обусловлен, с одной стороны, неординарностью самой личности поэта, а также тем обстоятельством, что он не только творил на двух языках, но и наряду с лирикой создал столь же высокохудожественную прозу.

Предмет нашего исследования – образ языка в метафизике Иосифа Бродского.

Цели и задачи. Целью данной диссертации является описание целостной концепции категории языка в эссе Иосифа Бродского. Достижение данной цели возможно при решении следующих задач:

- интерпретировать представления Бродского о языке вообще и о русском и английском, в частности;
- установить особенности авторского понимания и реализации разных аспектов языка (с точки зрения государства, времени, прозы, поэзии);
- проанализировать специфику языка прозы поэта;
- охарактеризовать особенности жанра эссе в творчестве данного автора;
- рассмотреть способы поэтизации прозы Бродского;
- описать идейно-тематическую и художественную оригинальность эссе поэта.

Научная новизна:

1. Проанализирован пласт эссеистики Бродского, посвященный образу языка; предложена система разных аспектов его восприятия автором (с точки зрения государства, времени, прозы, поэзии), а также выявлена связь лингвистических и конкретных социально-идеологических явлений в его поэтической картине мира.

2. Обозначены и истолкованы способы поэтизации прозы, а также результаты взаимодействия поэтических средств соответствующих литературных родов как основа оригинального художественного метода исследуемого автора.

3. Определены характерные черты – художественное, тематическое своеобразие – эссе Бродского на примере произведения «Набережная Неисцелимых», а также проиллюстрирована подвижность, открытость для

влияний и взаимодействий названного жанра в своеобразной авторской интерпретации.

4. Определена суть языковой концепции Бродского: закономерности в соотношении языка и типа мировосприятия, русского – и английского языков, языка – и выбираемого для изложения литературного рода, жанра.

Методологическая основа и методы исследования. Методологическая база настоящего исследования – соединение культурологического, философско-герменевтического, компаративистского методов исследования культуры и художественных текстов. Основным методом изучения эссе Иосифа Бродского – аналитический.

В ходе работы мы использовали исследования известных теоретиков и историков литературы: М. Бахтина [10, 11], А. Веселовского [32], В.Виноградова [33], М. Гаспарова [39], Л. Гинзбург [42, 43, 44], В.Жирмунского [55], А. Жолковского [56, 57], Ю. Лотмана [99, 100], Е.Мелетинского [106], В. Топорова [147, 148, 149], Б. Эйхенбаума [168], Р.Якобсона [169]; а также бродсковедов: Д. Бетеа [14, 15], П. Вайля [25, 26], Е. Келебая [75], М. Крепса [78], В. Куллэ [83, 84, 85], Л. Лосева [94, 95], В.Полухиной [124, 125, 126, 127], А. Ранчина [134], Н. Стрижевской [145] и других.

Исследователи творчества И. Бродского выявляют устойчивость поэтической картины мира поэта; он и сам не раз отмечал незначительность изменений своего сознания. Хотя сейчас практически ни один из знатоков творчества данного автора не оставляет без внимания его взгляды на язык и их отражение в его поэзии, однако комплексного анализа этих взглядов не предпринималось. Среди немногочисленных исследований по этой теме следует выделить несколько основных.

Это, прежде всего, «Грамматика метафоры и художественный смысл» В. Полухиной [114], где анализируется грамматическая структура метафоры Бродского. Полухина отмечает: «Как Хлебников, Бродский делает язык «главным героем» своей поэзии и доминантой своего мироощущения... и, как Цветаева, он средствами языка отстраняется от действительности, от текста, от себя, от мыслей о себе» [114, с. 64].

А.В. Якунин в своей диссертации «Функционально-коммуникативная организация текста в жанре эссе (на материале эссе И.А. Бродского «Путешествие в Стамбул»)» [170] выделяет основные направления поэтического пространства, освоенные Бродским, и их временные эквиваленты: Юг и прошлое, Север и будущее. Также автор демонстрирует прогрессивность Запада и застойность Востока в понимании поэта.

Работа Д.Л. Лакербая «Поэзия Иосифа Бродского 1957–1965-го годов: опыт концептуального описания» [89] освещает неодушевленный мир в его связи с образом языка, его определяющей ролью для философии данного поэта. Язык представляется автору монографии как хранилище всех возможных пространственно-временных моделей, подтверждением чему становится анализ поэмы «Исаак и Авраам» и некоторых других произведений Бродского.

Очень ценной для настоящего исследования стала диссертация Н.С. Гавриловой «Англо-американский мир в рецепции И. Бродского: реальность, поэзия, язык» [89], в которой затрагиваются следующие аспекты: интерпретация исследователями поэтического мира И. Бродского и его отношения к англо-американской культуре и социуму; образ национального мира в творчестве писателя; образ Англии и Америки в творчестве И.Бродского; изменения представлений об английской реальности: эссе, интервью; экзистенциальное самоопределение лирического субъекта под влиянием английской реальности; образ американского мира в поэзии и эссеистике И. Бродского; метатекст англо-американской поэзии, выстроенный И. Бродским в поэзии и эссеистике и т.д. Особо отметим главы названной работы, посвященные Д. Донну и Э. Марвеллу, Т. Гарди и Р.Фросту, Т.С. Элиоту и У.Х. Одну и их влиянию на творчество Бродского.

Наконец, хотелось бы выделить монографию Е. Келебая «Поэт в доме ребенка. Прологомены к философии творчества Иосифа Бродского» [75]; она посвящена главным оппозициям в лирике Бродского. Ученый выделяет особенности времени и пространства в понимании поэта, изучает их соотношение с категорией языка.

Наиболее важна в контексте нашей работы диссертация Д. Ахапкина «Филологическая метафора» в поэзии И. Бродского» [4], в одной из глав которой дан анализ метаязыковых суждений, возникающих в высказываниях Бродского, и показана их связь с определенными лингвистическими идеями и концепциями. Исследователь Ахапкин отмечает, что внимание Бродского к грамматике проявляется в его творчестве двояко: «с одной стороны, в многочисленных высказываниях на лингвистические темы, которые можно найти в статьях и эссе поэта, с другой — в некоторых особенностях образной системы поэтических текстов» [4, с. 56].

Наша работа отчасти соприкасается с диссертацией Д. Ахапкина из-за совпадения предмета анализа. Но в его исследовании внимание сосредоточено больше на лингвистических категориях, и главным объектом являются высказывания Бродского о синтаксисе, мы же акцентируем собственно литературоведческие аспекты трактовки Бродским самой сущности языка и отношений между языком и поэтом.

Теоретическая и практическая значимость диссертации. Теоретическая значимость работы состоит в исследовании идейно-художественных особенностей одного из самых неоднозначных поэтов XX века. Категория языка в поэтике Бродского показана в тесной взаимосвязи с другими магистральными образами, в качестве же вспомогательного материала используется эссе данного автора как наиболее органичное соединение философии и литературы. Создается база для более глубокого постижения и других сущностных категорий в метафизике данного поэта. Результаты исследования могут быть использованы для преподавания в общеобразовательных школах и в вузах (на курсах по истории русской литературы XX века, при чтении специального курса по творчеству поэта), а

также при составлении учебников и учебных пособий, при написании курсовых и дипломных работ по творчеству Бродского.

Практическая значимость работы определяется ее вкладом в исследование главного для поэтики Бродского образа – языка, а также любимого им жанра эссе. Изучение эссе Бродского позволяет углубить не только понимание феномена его эссе, но и представления о механизмах философствования и специфике философской рефлексии данного автора.

Материалы и выводы диссертации могут быть применены в преподавании истории русской поэзии второй половины XX века, в спецкурсах о современном литературном процессе, о русско-американских литературных связях, о факторах национальной ментальности в литературном творчестве, о творчестве Иосифа Бродского.

Апробация работы. Основные положения диссертации излагались на ежегодных научных конференциях на филологическом факультете Даггосуниверситета (2008, 2009, 2010), а также были опубликованы в виде 6 статей в сборниках работ и в журналах.

Структура и объем диссертации. Они определены основными проблемами исследования и его целью. Работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы. Список использованной литературы включает 170 наименований. Диссертация представляет собой рукопись на 154 страницах печатного текста.

На защиту выносятся следующие основные положения диссертации:

1. Для Иосифа Бродского русский – это язык поэзии, поэзия же – высшая форма языка. Переход на английский привел автора к смене литературного рода: поэт начал писать прозу (в частности, эссе). Так что английский для Бродского – это язык прозы, что характеризует последний как явление производное, даже второстепенное в языковой иерархии исследуемого автора-билингва.

2. Для Бродского язык, подобно божеству, стоит во главе времени и всего мироздания; все лингвистические явления, в трактовке поэта, есть отражение картины мира, так что язык обладает конкретным, социально-идеологическим значением и, в свою очередь, придает времени лингвистико-поэтический смысл.

3. Эссе «Набережная Неисцелимых» на всех своих формально-содержательных уровнях построено по художественным законам лирического произведения. Принцип зеркальности, который является здесь лейтмотивом, в очередной раз доказывает, что проза Бродского – это своеобразное отражение его поэзии, ее «зазеркалье».

4. Бродский обновил жанр эссе за счет привнесения в него законов создания поэтического текста, так что стиль его письма свидетельствует о неотделимости его прозы от поэзии и движении к новым художественным формам. Автор демонстрирует преодолимость названных литературных родов и подвижность, открытость жанра, – в частности, эссе – для влияний и взаимодействий.

5. Соотношение языка и типов мировосприятия, русского – и английского языков, языка – и литературного рода и жанра, стиха – и прозы — это суть языковой концепции Бродского; для него язык имеет исключительный, доминантный статус в общей иерархии ценностей.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** определяются объект и предмет исследования, формулируются цели и задачи, обосновывается актуальность темы, указываются научная новизна, методологическая основа, теоретическая и практическая значимость исследования; освещается жанровая природа эссе, в рамках которого ведется исследование, даются сведения об апробации его результатов.

Первая глава – «Русский и английский языки как два типа мировосприятия Иосифа Бродского» – состоит из четырех пунктов, в которых исследуются концепция русского и английского языков художественного билингва И. Бродского, а также жанр эссе в его творчестве; рассматриваются высказывания поэта о языке, поэтах и поэзии (на материале эссе «С любовью к неодушевленному. Четыре стихотворения Томаса Гарди»; «О скорби и разуме», «Поклониться тени»); анализируются отношения языка и государства в поэтике Бродского (эссе «Меньше единицы», «Полторы комнаты», «Путеводитель по переименованному городу», «Путешествие в Стамбул»); наконец, интерпретируются категории языка и времени в понимании изучаемого автора

В первом разделе главы – «Концепция русского и английского языков художественного билингва И. Бродского. Жанр эссе в творчестве поэта» – исследуются характеристики русского и английского языков в поэтическом мире И. Бродского.

Самое примечательное в концепции Бродского — его представление об отношении между языком и поэтом. Он уверен, что не язык является его (*поэта*) инструментом, а он — средством языка к продолжению своего существования. Данный автор доводит зависимость поэта от языка до предела: она у него «абсолютная» и «деспотическая», а язык — это начало начал. Также Бродский отождествляет язык и Бога, утверждая, что самое святое, что есть у русского народа — это именно русский язык. Поэт даже провозглашает приоритет языка над Богом, природой и всем остальным, что только возможно.

Язык представлялся Бродскому как нечто большее, чем просто русский или английский языки; как нечто, находящееся за пределами каждого конкретного языка, – вернее, «над». Для него – это центр мироздания и человеческой культуры. Именно осознанием себя наедине с языком — единственной оставшейся опорой — характеризуется творчество Бродского эмигрантского периода.

Специфично для И. Бродского то, что большинство его поэтических произведений написано на русском, а почти вся его проза – на английском. В

своих интервью он не раз повторял, что ощущает себя русским поэтом и американским эссеистом.

Проза И. Бродского разнообразна: ему принадлежат два английских сборника, пьесы и книга о Венеции «Watermark», а также множество критических статей, выступлений на конференциях, воззваний, рецензий и кратких заметок в русской и в западной прессе.

За Бродским упрочилась репутация эссеиста после выхода книги избранных эссе «Less Than One» (1986). Эссе Бродского вошли также в сборники «On Grief and Reason» (1996) и «Watermark» (1992).

Предпочтение английского языка в написании эссе Бродский объяснял тем, что это – жанр, который нечасто используется в русской литературе. Тенденция к «эссеизации» в литературе XX века отвечает на вопрос о жанровом своеобразии прозы поэтов, в частности И. Бродского. Жанровой доминантой эссе становится принципиальная внежанровость. Неопределимость – одно из сущностных свойств эссеистического жанра (если не назвать его «сверхжанром», «синтетической формой сознания»).

Среди автобиографических эссе Бродского выделяют три главных вида: прямые рассказы о собственной жизни («Меньше единицы» и «Полторы комнаты»); воспоминания о людях, оказавших на него наибольшее литературное и человеческое влияние («Поклониться тени», «Памяти Стивена Спендера»); и эссе в жанре «путешествия» («Путешествие в Стамбул», «Посвящается позвоночнику»).

Для Бродского русский и английский – два разных типа мировосприятия, одинаково необходимых ему. В то же время русский язык и русская поэзия занимали в его душе особое место: он не собирался от них отказываться. Пользу двуязычия поэт видел во взаимодействии языков, которые почти в игровой форме сталкивают свои традиции друг с другом, что и используется, в частности Бродским.

В настоящем исследовании мы провели разграничение эссе Бродского на основе того или иного преломления темы языка. В некоторых из них анализируются формально-содержательные характеристики русского и английского языков, что помогает понять, почему автор выбирал тот или иной язык при написании произведения поэтического или прозаического.

Для Бродского лексика и синтаксис не просто лингвистические явления, а отражения картины мира. Язык говорит посредством писателя, оберегает каждого человека и народ в целом и обрекает их на те или иные события. В эссе «Меньше единицы» Бродский сравнивает русский и английский языки, в принципиальной разнородности которых мы находим объяснение его обращению и к тому и другому. Поэту было недостаточно средств одного из них, но и преимуществ одного языка перед другим он не искал.

Главными чертами английского языка Бродский считал его логичность, аналитическую выстроенность. При таком убеждении для Бродского, перешедшего на английский язык, произошла смена не только стиля, но и рода литературы: он начал писать прозу. Англоязычный Бродский является,

в первую очередь, эссеистом: Joseph Brodsky как англофонный поэт так и остался в общественном мнении несправедливо неизмеримо ниже, чем Joseph Brodsky-эссеист.

Погружение в иноязычное окружение сделало лексикон Бродского открытым неродному языку и одновременно преобразило его ощущение языка родного: русский для поэта был сакральным источником творчества, в то время как английский стал воплощением языковой прагматики. Оттого и эссеистика Бродского отличается четкостью стиля, образов и наблюдений.

Итак, разделение в рамках собственного творчества английского и русского языков как языка прозы и языка поэзии сформировало основу переводческих принципов И. Бродского. Соотношение России и Америки, двух языков, стиха и прозы стало основной поэтической, этической позицией Бродского. Бродский в итоге стал носителем двух поэтических традиций, в нем сошлись и переплелись две разнородные культуры.

Во втором разделе – «Иосиф Бродский о языке, поэтах и поэзии (эссе «С любовью к неодушевленному. Четыре стихотворения Томаса Гарди»; «О скорби и разуме», «Поклониться тени»)» – нами анализируются взгляды поэта на язык, поэтов и поэзию.

Отметим эссе Бродского об Ахматовой, О. Мандельштам, М. Цветаевой, У.Х. Одене, Э. Монтале, Д. Уолкотте, которые стали результатом стремления поэта к прозаизации стиха. Отсюда и интерес Бродского к литературоведческим проблемам (например, к прозе Цветаевой, которой посвящено эссе «Поэт и проза») и к русской прозе XX века в целом (эссе «Катастрофы в воздухе»), а также к прозе Достоевского («Власть стихий»).

В эссе «С любовью к неодушевленному. Четыре стихотворения Томаса Гарди» (1994) И. Бродский раскрывает историко-литературные проблемы, – в частности, проблему модернизма в Англии. Бродский оправдывает присущие Гарди «неуклюжесть» стиля и использование разных пластов лексики как бунт против романтической традиции. Для Бродского Гарди – носитель новой эстетики метафизики, у которого интеллектуальное преобладает над рациональным, что объясняет и его неприятие демонстративного самоутверждения человека в мире. Поэтому Бродский выделяет Гарди как поэта, соединившего викторианскую сдержанность, достоинство и стоицизм, а также трагическое одиночество новейшей поэзии XX века.

Среди поэтов, оказавших значительное влияние на И. Бродского, – и Роберт Фрост, которому Бродский посвятил эссе «О скорби и разуме» (1994).

В поэтике и интонации Фроста Бродский выявляет позицию отстранения, а также предельную сдержанность и ощущение изолированности. Подобное одиночество было присуще и Бродскому, и оно куда трагичнее, чем романтическое. Фрост близок русскому автору и в понимании сущности поэзии как «игре словами», когда отчаяние становится запредельным; Фростовская игра и печаль соотносима с отчаянием и иронией Бродского. Фрост стремился переступить рамки исповедальной лирики, наполнив ее свойствами философской драмы, драмы идей.

Влияние Фроста на Бродского доказывается интертекстуальными связями, аллюзиями и фростовскими поэтическими ходами.

Тема «Бродский и Оден» часто затрагивается бродсковедами, которые находят многие черты поэтики Одена и у русского поэта. Кроме того, Бродский даже идентифицировал себя с названным поэтом.

Парадоксальные рассуждения Одена касаются, в частности обожествления им безбрежной стихии языка. Бродский открыл в Одене поэта философских прозрений, поэта метафизического, маскирующегося под обычного наблюдателя общественных нравов, смирение которого проистекало не из религиозной покорности, а из чувства природы языка, и это понимание тоже было необычным относительно устоявшегося мнения об Одене.

Исследуя связи поэзии Бродского с творчеством У. Одена, отметим общую для них поэтику отрицания, демонстративный «антигероизм» и иронический трагизм. Оденовская ирония часто используется Бродским. Русский автор перенял у Одена и позицию отстранения, что проистекало из его представлений о вторичности поэта как орудия, рупора языка.

Бродскому близко оденовское отношение к языку как первооснове человеческого существования. Для Одена язык, с одной стороны, – материал (ритм, размеры, строфы и т. д.), с другой – равноправный участник создания поэтического произведения. Если, по Бродскому, поэзия – порождение языка, то, по Одену, для поэтического творчества первична реальность: она порождает творчество. Они оба воспринимают поэзию как высшую литературную форму по сравнению с прозой. Также Бродский обнаруживает в поэтике Одена постмодернистские тенденции: приоритет языка над временем, интертекстуальность и т.д.; интерпретация мотива творчества также относится к этому разряду.

Несмотря на открытое признание Бродским Одена своим главным поэтическим авторитетом, текстуальная связь их поэзии в русскоязычных текстах мало проявлена. Так что тема «Бродский – Оден» требует дальнейшего исследования, чему доказательство – рассмотренное нами эссе.

В третьем разделе – «Оппозиция «язык – государство» в поэтике И. Бродского (эссе «Меньше единицы», «Полторы комнаты», «Путеводитель по переименованному городу», «Путешествие в Стамбул»)» – исследуется взаимовлияние языка и государства в некоторых эссе И. Бродского.

Эссеистика И. Бродского – это самый сложный комплекс автобиографических сюжетов, парадоксальных идей, исторических экскурсов, тончайших разборов стихов русских и западных поэтов. Яркий тому пример – книга «Меньше единицы».

Данная книга открывается и заканчивается эссе автобиографического характера. В центре внимания Ленинград как определяющая судьбу и поэзию Бродского точка в пространстве и времени.

Петербург как некое культурное пространство является одной из доминант творчества Бродского. Потому открывается сборник «Меньше

единицы» произведением «Путеводитель по переименованному городу» (1979) («Leningrad: The City of Mystery»). Оба этих названия символизируют две основных темы эссе.

Бродский вынужден был жить в переименованном городе, и ему претило новое название как символ пошлости. Так появляется лейтмотив всего цикла – тема подмены, суррогата: город не просто переименован, он бесповоротно преображен. Лингвистическая перемена влечет роковые последствия глобального характера, приводя к подмене всего бытия. Вся система противовесов заключена для Бродского в символической фигуре Поэта, уравнивающей и частично нейтрализующей фигуру Правителя. Поэт – центр поля культурного. Каждый из этих символических центров — аналог и одновременно антипод другого: один репрезентирует власть, другой — культуру.

Для Бродского язык стоит во главе всего, в том числе и во главе государства, от которого он не зависит, – скорее, наоборот (конечно, если говорить о языке как метафизической категории). Однако язык, которым пользуется общество в своей повседневной жизни, испытывает, в свою очередь, агрессивное влияние со стороны государства; так, насаждая систему клише, последнее искажает язык, подрывая тем самым основы бытия.

Бродский – противник прямого соединения политики и поэзии; для него политика и литература – это оксюморон. Миссия поэта – создать качественный язык для общества в противовес навязанного государством и тем самым влиять на его политику. Политический текст (в широком смысле слова) может и должен быть опровергнут не политическими, но литературоведческими средствами, и разоблачать следует не «антигуманность» идеологии, а ее низкое художественное качество. Иначе говоря, И. Бродский предлагает «изыщную словесность» сделать неким регулятором общественной жизни, жизни государства в целом.

Специфика языка предопределяет и особенности национального характера: Бродский с горечью констатирует, что пластичность родного языка сделала русский народ излишне податливым, конформистским. Поколение Бродского нашло свой путь отстранения, уйдя с головой в реальность, созданную языком, – в литературу. Вся жизнь поэта также превратилась в непрерывное отрицание наиболее назойливых проявлений тиражирования (пропаганды, власти). Так что освоенная поэтом «наука отчуждения» обязана своим появлением фактору сугубо лингвистическому – острому неприятию штампа, тавтологии.

Политического текста вместе с тем у Бродского нет: тема политики у него поднята на метафизический уровень. Его интересуют не политические фигуры и события, а те смыслы, которые за ними стоят. Бродский обращает внимание на архитектурно–скульптурную, наглядно-агитационную символику, политическую топонимику и политический язык, на исторических деятелей, ставших политическими символами. По мнению поэта, именно злоупотребление символикой окончательно дискредитировало политику.

Помимо автобиографических, в книгу «Less Than One» вошло написанное по-русски историософское эссе «Путешествие в Стамбул».

Восток для Бродского – это олицетворение тоталитарного государства. Ставя в один синтаксический ряд бесчисленных восточных правителей-деспотов, автор тем самым демонстрирует их одинаковость, повторяемость, как и бесконечность войн, ими инициированных. При этом он нанизывает однородные члены один на другой, создавая длинную цепь перечислений, которым не видно конца. Намеренно искажая слова, Бродский наглядно иллюстрирует уродливые формы существования, привычные для жителей этой части света. Здесь жертвы бесчисленные и безликие, ведь главная угроза для Империи – это индивидуальность и главный ее признак – живое слово. Легко догадаться, что Бродский проводит параллели с Советским Союзом: генсек, по его мнению, ничем не отличается от императора, а Советский Союз – та же Оттоманская Империя.

Сравнивая империи, столь схожие по своей сути, Бродский продолжает играть словами: он сцепляет в одно «слово–паровоз» несколько лексем, – это тоже своего рода «игра в ассоциации» и буквальное воплощение нестерпимой растянутости изображаемых событий. Стамбул так и не полюбился Бродскому – заядлому либералу и англофилу. Он выбрал именно Америку местом проживания и унаследовал англо-американскую поэтическую традицию, продолжив диалог с англоязычными поэтами наравне с русскими. Именно Америка стала тем социокультурным и метафизическим пространством, где нашел свое спасение изгнанный поэт. В то же время произведения И. Бродского, написанные в эмиграции, проникнуты отчаянием и отчуждением: «западник» Бродский, где бы он ни жил, любит родину больше, чем остальные страны.

В четвертом разделе – «Категории языка и времени в интерпретации И. Бродского» – описываются суть и основные характеристики названных понятий в поэтике Бродского.

В эссе «Шум прибоя» Бродский сравнивает язык с океаном, сближая их как два варианта бесконечности и признавая их общим родителем времени. Отношения поэта с языком, сам факт этих отношений является, по Бродскому, синонимом самой жизни так же, как молчание является синонимом смерти. Язык — единственное структурирующее начало, которое человек может противопоставить разрушающему ходу времени, пустоте.

Осознавая время как категорию лингвистическую, поэт стремится сделать собственный стих более монотонным, приблизить его к звучанию маятника. Представления Бродского соотносятся с идеями мыслителей XX века о сущности языка, обладающего собственными законами развития и порождения. Язык для поэта первичнее истории, географии, культуры и других факторов, формирующих сознание; язык важнее истории, так как исторические явления преходящи, а язык постоянен.

Бродский особо выделяет конкретный, лингвистико-поэтический аспект времени, отмечая в эссе о Мандельштаме, что слова, даже их звуки — гласные в особенности, — это своеобразные сосуды времени, и задача поэта

– заключить время в оболочку стихотворной формы. Цель поэта, по мнению Бродского, – узнать, что время делает с людьми, а также, что язык делает со временем.

Над проблемой времени и языка Бродский размышлял почти во всех своих эссе, в частности в эссе «Путешествие в Стамбул». Слово «время» поэт пишет то с большой, то с маленькой буквы. Синонимом времени для него становится вода: вода — время — это обновление языковой метафоры течения времени. Волны в поэзии Бродского метафоризированы не только как отрезки времени, как извилины мозга, морщины, но и как рифмованные строки. Здесь также актуально и созвучие «река — речь».

Поэтический мир Бродского отличается ярко выраженной «географичностью». Но он не историк, не журналист и не этнограф, а в лучшем случае – путешественник, «жертва географии». Пытаясь разгадать природу Востока, Бродский как истинный поэт ищет разгадку в слове, – вернее, в стихе Корана, в арабской письменности. Путем парадоксальных умозаключений автор эссе приходит к выводу, что Азия (или Юг) имеет дело с пространством (то есть не имеет метафизики), а Север – со временем. В итоге пространственная оппозиция «Восток — Запад» трансформируется у Бродского во временную: «прошлое — настоящее» (как мира, так и индивида), что проявляется даже в области стиля анализируемого эссе.

Вторая глава работы – «Феномен лирической прозы Иосифа Бродского» – состоит из четырех параграфов и посвящена исследованию специфичной прозы поэта (эссе «Поэт и проза», «Путешествие в Стамбул»), венцу лирической прозы И. Бродского – эссе «Набережная Неисцелимых», «венецианскому» и «петербургскому» текстам в названном эссе Бродского, а также образной поэтике эссе Бродского о Венеции.

В первом разделе – «Специфика прозы поэта (эссе «Поэт и проза», «Путешествие в Стамбул»)» – выявляются особенности прозы, написанной поэтом.

Тема языка получила свое развитие во всех критических эссе и даже в политических письмах поэта. Однако не тематика сближает прозу и поэзию Бродского, а одинаковые художественные средства: специфичная структура эссе Бродского очень похожа на свой поэтический эквивалент и даже кое-что проясняет в его поэтике.

В эссе «Поэт и проза» Бродский рассуждает об особенностях одновременного использования поэтических и прозаических жанров, напоминающих явление двуязычия. Чисто лингвистическая перенасыщенность как перенасыщенность эмоциональная оказывается присущей не только описываемой прозе М. Цветаевой и О. Мандельштама, но и эссе самого Бродского. В соответствии с критериями, которые он сам применил к прозе поэтессы, его эссе – это типичная проза, написанная поэтом.

Проза поэта не совсем то, что проза прозаика, и стихи прозаика не то, что стихи поэта. Бродский признает поэтическое искусство и поэтическое

дарование более универсальными, чем прозаические, и утверждает, что поэзия требует от творца большей преданности. Бродский убежден, что именно отсутствие формальных ограничений ставит прозу ниже поэзии. Формальные издержки поэзии — метры, рифмы, строфы — Бродский считает не изобретением человека, а приемами языка, не менее древними, чем сам язык.

Эпический элемент в стихотворениях Иосифа Бродского настолько значителен, что многие исследователи говорят о «прозаизации», «эссеизации» его поэзии. Сам поэт признавал, что у его прозы больше общего с поэзией, чем у его поэзии с прозой. В то же время именно нарочитая прозаизация его стихов вызывала наибольшую критику.

При прочтении эссе Бродского обращает на себя внимание та же, что и в стихах, метафорическая насыщенность, то же «опускание само собой разумеющегося» и аналогичные приемы композиции. Роднит их и общая тематика: озабоченность проблемами выживания и смерти, веры и безверия, приоритета вещественного над духовным, политики над поэзией, общественного над частной жизнью индивидуума, и т.д.

Пример необычной прозы поэта – эссе «Путешествие в Стамбул»: это произведение, к которому непросто подобрать жанровое определение. Это эссе, временами почти статья или даже трактат, существующий по законам лирического стихотворения. Особенностью построения его композиции является чередование живых зарисовок и теоретических фрагментов, причем первые — это своего рода стихи в прозе, а вторые — исторические, этические и эстетические аргументы против Стамбула-Византии.

Формально «Путешествие в Стамбул» – это путевой очерк, однако здесь почти нет самого Стамбула, нет его последовательного описания, как нет и взгляда собственно путешественника, но даны несколько разноплановых деталей и эпизодов. Отсутствуют столь характерные для путевого очерка сцены приезда и отъезда, не звучит и привычная идея и мотивировка путешествия. Есть здесь и признаки культурологического трактата, логика которого подчинена поэтике, а лейтмотивы и образы важнее оппозиций. Автор декларирует центральную для себя культурологическую оппозицию «Третий Рим — Отечество».

Названное эссе, как и большинство эссе Бродского, построено как послание в никуда или, возможно, обращение к самому себе: монолог, неожиданно перерастающий в диалог с самим собой. Потому они настолько откровенны, как дневники. Оппозиции «проза — стихи» и «эпос — лирика» у Бродского оказываются в отношении взаимовлияния: стих становился эпическим, а проза поэтизируется. В «Путешествии в Стамбул» и в поздних эссе основой прозы становится поэзия, которая существует по законам стиха. На первое место выходит личный сюжет; его кульминацией становится восемнадцатая глава, где привычные мотивы лирики Бродского сливаются с прозой, создавая стихотворение в прозе: можно даже провести параллель отдельных фрагментов глав с поэтическими произведениями И. Бродского.

Во втором разделе – «Эссе «Набережная Неисцелимых» («Watermark») как венец лирической прозы И. Бродского», в подразделе «Эссе Бродского в контексте «венецианского» и «петербургского» текстов русской литературы. Особенности жанра» – изучаются сущностные черты названного эссе в аспекте определенных культурологических контекстов.

Существует единый художественный образ Венеции, особый «венецианский текст» русской литературы (произведения И. Козлова, П.А. Вяземского, Ф.И. Тютчева, В. Ходасевича, А. Ахматовой, О.Мандельштама, Б. Пастернака и др.).

Хорошо знакомый с русской венецианой, в частности – Серебряного века, – Бродский пародирует характерные для нее жанровые тенденции и стилизацию, суть которых можно выразить так: смерть и красота, смерть красоты, красота смерти. Данный факт придает и интертекстуальность эссе Бродского о Венеции, что постоянно проявляется в тексте на уровне тем, мотивов, художественных средств.

Именно Венеции, помимо одного из лучших своих эссе «Набережная Неисцелимых» («Watermark»– «Водяной знак»), поэт посвятил половину своих «итальянских» стихотворений. Венеция более всего походит на тот идеальный «город памяти», «пункт назначения», образ которого Бродский запечатлел в эссе «Место не хуже любого». В итоге, когда в январе 1996-го Бродский умер, его похоронили в Венеции, на острове Сан Микеле, так что странствия поэта завершились навсегда именно здесь.

В эссе Бродского о названном итальянском городе сплелось все: взаимовлияние языка и реальности, отражение действительности в языковых ассоциациях, символы в искусстве и напоминание о чуме и смерти наряду с карнавалом (знаменитые карнавалы в Венеции); смеховая культура и карнавал, который ставит под сомнение (поднимает на смех) все, даже смерть; смерть как источник вдохновения, эстетство и декадентство; вопрос о первопричине, о причине и следствии (бытие определяет язык или наоборот?); тема искусства как «пира во время чумы», писательское ремесло как неисцелимая болезнь, тема творческой и жизненной обреченности, предначертания, и многое, многое другое...

Отметим поразительную близость образов венецианской прозы И.Бродского с его же собственными поэтическими формулами, так что создается впечатление единого венецианского текста, хотя и написанного средствами разных литературных родов. Однако поэт никогда не повторяется, постоянно привнося нечто новое в воспроизводимые образы. Порой прозаический вариант оказывается даже поэтичнее стихотворного. Появление исследуемого эссе в хронологии развития данной темы у Бродского неслучайно: оно вбирает в себя поэтические образы предшествующих произведений и предваряет мотивы произведений будущих.

Трудно определить жанр этой прозы Бродского: «Набережная Неисцелимых» — книга автобиографической и литературно–критической прозы, это литературоведение, философия, эстетика именно поэта. Это

произведение на всех уровнях текста — от семантической структуры до ритма — построено по художественным законам; в путевых очерках и мемуарных произведениях автор организует свой текст по другим принципам. Но нет в нем и вымысла в привычном смысле слова: все, что описывается, берется из реального жизненного опыта автора. Поэтическое являет себя в прозе Бродского на нескольких уровнях, проявляясь то в форме автоцитат, звуковых отражений, лексических и синтаксических параллелизмов, то в своеобразной структуре повествования. Проза Бродского обростаёт признаками поэзии, так что мы имеем дело с развитием поэзии в прозу.

За абстракциями у Бродского всегда следуют рациональные определения, что также является характерной чертой его поэзии. В поэтической картине мира Бродского тропы обыгрывают взаимосвязь красоты и искусства, воды и времени. Благодаря насыщенной метафоризации, категории памяти, языка, поэзии, культуры и др. получают многочисленные дефиниции как вечный поиск сути.

Приемы поэтизации прозы в данном произведении следующие: метафорическая насыщенность; общая с лирикой тематика; частые в прозе автоцитаты из лирических произведений; обилие звуковых отражений, лексических и синтаксических параллелизмов; слияние привычных мотивов лирики И. Бродского с прозой для создания стихотворения в прозе; адаптация поэтических образов к прозаическому контексту; активное использование аллитераций и ассонансов, анафор и эпифор, звукоподражаний и фоносемантики; многочисленные ритмические вкрапления; обилие синтаксических параллелизмов, афоризмов, которые можно считать моностихами и самостоятельными творениями; произвольное перестраивание ритма письменной прозы на особый лад («сегментация текста точкой»); бессюжетность прозы И. Бродского, что характерно для поэзии; и т.д.

Перед читателем предстает, в итоге, сложнейшее по структуре повествование с изысканной вязью поэтических средств, где все компоненты композиции тщательно проработаны и не содержат ни одной лишней детали. Мы имеем дело с тонко организованной композицией повествования. Повествование двигают вперед (и назад) ассоциации и эхо; тема то развивается, то затухает, но полностью не исчезает, по принципу «словесного сюжета». Принцип зеркальности реализуется в данном произведении и на уровне формально-содержательных характеристик, которые, в свою очередь, позволяют предположить, что проза Бродского – это своеобразное отражение его поэзии, ее «зазеркалье».

Так, Бродский на примере собственных произведений подтвердил собственный тезис о том, что проза была (для *Цветаевой*) всего лишь продолжением поэзии, но только другими средствами. С другой стороны, он пытался донести, что жанр – явление подвижное, открытое для влияний и взаимодействий. Тем более, речь идет о таком неканонизированном и неустоявшемся явлении, как эссе, которое вообще стоит на границе

художественной литературы и публицистики, – на той тонкой границе, что отделяет две реальности по ту и эту стороны от зеркала.

Третий раздел – «Образная поэтика эссе Бродского о Венеции» – посвящен основным образам в эссе «Набережная неисцелимых».

Образная поэтика выдает родство Бродского с экзистенциализмом на мотивном уровне и в построении поэтической модели мира.

Здесь упорядоченное синтаксическое и семантическое строение предложений контрастирует с драмой умирающего города и поэта-изгнанника. Его автопортрет выстраивается в основном посредством синекдохи, символизирующей самоотчуждение и отсутствие внутренней целостности: глаз, сетчатка, зрачок, слеза, тело и отражение тела в многочисленных зеркалах...

Именно метафоры в построении абзацев и в композиции эссе в целом дают возможность связать и соотнести две реальности: физическую и метафизическую. Троп связывает конкретные детали города и их интерпретацию, что можно проследить на примере метафоры «воды»; время, в свою очередь, метафорически связано с идеей красоты. Воздух, холод, стихия, вещь, лабиринт, глаз, слеза — ключевые тропы поэтического мира Бродского, и таковыми они являются не только в силу повтора, но и благодаря своей метафорической насыщенности.

Венеция для Бродского – не только географическая и историческая реальность: она символизирует абсолютную красоту, а также начало творения мира и начало жизни. Если суша соотносится с конечным, пространственным, то океан соотносится со временем. Для Бродского вода связана с музыкой, в том числе и с музыкой речи, с поэзией. Также течение воды напоминает мыслительный процесс. Водная стихия в потенциале содержит в себе всё, как всё содержит в себе Венеция, рожденный водой город. Как и вода, он собирает воедино разные полюсы бытия. Венеция — «невечный» и заведомо обреченный город, в который Бродский приезжал на каждое Рождество и в котором обрел свой последний приют. Так, в свидании с Венецией – городом, вырастающим из моря, городом вне времени и пространства – обрел Иосиф Бродский свое примирение со временем.

С образом воды у Бродского связан образ водорослей, символизирующих реакцию человека на время. В эссе «После путешествия или Посвящается позвоночнику...» водоросли олицетворяют строчки, между которыми блуждает окунь–память. Сама Венеция своей беспорядочной планировкой, обусловленной хаотичностью и анархией воды, напоминает мерзлые водоросли. Здесь нет севера, юга, востока, запада, символизирующих у Бродского прошлое, настоящее, будущее, ибо это воплощение Времени с большой буквы, то есть вечности.

Город на воде выступает у Бродского аналогом всемирного женского лона, где зародилась и развилась жизнь, поэтому звучит мотив первородности: здесь человек, словно начинает в своих ощущениях движение вспять, к началу начал. И. Бродский отмечает этапы этого пути,

начиная с близости к животному миру, а от него – вглубь тысячелетий – до хордовых, порожденных водой.

Несомненно, что в мифологеме Бродского вода – это аналог зеркала. Вообще, эссеистика Бродского – это своего рода зеркало, в котором сквозь картину отраженного мира проступает его собственная фигура.

Этот образ тянет за собой цепочку ассоциаций: кроме того, отражение дарит опыт самоотчуждения, о котором уже не раз говорилось. Зеркало-память несет на себе отпечаток ирреальности и потусторонности, подобно параллельному миру подсознания. Но отражению нет никакого дела до отражения, и потому Венеция, подобная огромному зеркалу, занимается самолюбованием. Ей, по сути, дела нет до того, кто в ней отражается еще, или в чьих творениях запечатлевается она сама. Сама композиция «Watermark» имитирует зеркальный принцип симметрии.

Мотив зеркальности, сквозной для «Набережной Неисцелимых», — наиболее важная составляющая параллели «Венеция — Петербург». Зеркальный принцип симметрии символизирует и трансформацию реального мира в художественный, иллюзорный. Потому в «Watermark» доминируют два вида полярных тропов: одухотворения и овеществления. «Watermark» — это нечто вроде литературного автопортрета с зеркалом, причем неясно, то ли город смотрится в зеркало и видит русского поэта, то ли наоборот. То ли Венеция является отражением автора-путника, то ли он сам его отражение. В связи с этим возникают антропоморфные метафоры.

Зеркало, вода, слеза, глаз, – все это – метафоры одного порядка.

В данном эссе о Венеции, по сути, только два главных героя: глаз и разум, потому выделяются соответственно два основных уровня повествования в данном эссе – визуальный и интеллектуальный. Красота вообще и красота Венеции, в частности, у Бродского неразрывно связана со зрением и процессом видения, созерцания. Венеция – это город для глаз, остальные чувства здесь играют второстепенную роль.

Таким образом, зеркальный принцип отражения действует в поэтике Бродского на уровне образов (вода – время, время – пространство, физика – метафизика, Венеция – автор, литература – реальность, и др.), тропов (одухотворения и овеществления), а также реализуется посредством обилия автоцитат и цитат (явление интертекстуальности как отголоски акмеистической концепции литературы как единого текста и отражение постмодернистских установок).

Венецианские стихотворения и проза И. Бродского сближаются, создавая применительно к Венеции цельную концепцию, наиболее полно развернутую в прозе, но с постоянной «оглядкой» на поэзию.

В Заключении подводятся итоги исследования.

Изучив значение русского и английского языков для поэтики Иосифа Бродского, а также язык прозы данного автора и способы ее поэтизации, мы пришли к следующим выводам: 1. Для Иосифа Бродского русский – это язык поэзии, поэзия же – высшая форма языка. Переход на английский привел автора к смене литературного рода: поэт начал писать

прозу (в частности, эссе). Так что английский для Бродского – это язык прозы, что характеризует последний как явление производное, даже второстепенное в языковой иерархии исследуемого автора-билингва. 2. Для Бродского язык, подобно божеству, стоит во главе времени и всего мироздания; все лингвистические явления, в трактовке поэта, есть отражение картины мира, так что язык обладает конкретным, социально-идеологическим значением и, в свою очередь, придает времени лингвистико-поэтический смысл. 3. Эссе «Набережная Неисцелимых» на всех своих формально-содержательных уровнях построено по художественным законам лирического произведения. Принцип зеркальности, который является здесь лейтмотивом, в очередной раз доказывает, что проза Бродского – это своеобразное отражение его поэзии, ее «зазеркалье». 4. Бродский обновил жанр эссе за счет привнесения в него законов создания поэтического текста, так что стиль его письма свидетельствует о неотделимости его прозы от поэзии и движении к новым художественным формам. Автор демонстрирует преодолимость названных литературных родов и подвижность, открытость жанра, – в частности, эссе – для влияний и взаимодействий. 5. Соотношение языка и типов мировосприятия, русского – и английского языков, языка – и литературного рода и жанра, стиха – и прозы — это суть языковой концепции Бродского; для него язык имеет исключительный, доминантный статус в общей иерархии ценностей.

Итак, в ходе нашего исследования стало очевидным, что язык представляется Иосифу Бродскому как нечто большее, чем просто русский или английский, хотя поэт и всячески избегал понятий «метаязык» или «логос».

Изучив эссе Б. Окуджавы, мы пришли к следующим выводам: 1) для Иосифа Бродского русский – это язык поэзии, поэзия же – высшая форма языка. Переход на английский привел автора к смене литературного рода: поэт начал писать прозу (в частности, эссе). Так что английский для Бродского – это язык прозы, что характеризует последний как явление производное, даже второстепенное в языковой иерархии исследуемого автора-билингва; 2) для Бродского язык, подобно божеству, стоит во главе времени и всего мироздания; все лингвистические явления, в трактовке поэта, есть отражение картины мира, так что язык обладает конкретным, социально-идеологическим значением и, в свою очередь, придает времени лингвистико-поэтический смысл; 3) эссе «Набережная Неисцелимых» на всех своих формально-содержательных уровнях построено по художественным законам лирического произведения. Принцип зеркальности, который является здесь лейтмотивом, в очередной раз доказывает, что проза Бродского – это своеобразное отражение его поэзии, ее «зазеркалье»; 4) Бродский обновил жанр эссе за счет привнесения в него законов создания поэтического текста, так что стиль его письма свидетельствует о неотделимости его прозы от поэзии и движении к новым художественным формам. Автор демонстрирует преодолимость названных литературных родов и подвижность, открытость жанра, – в частности, эссе – для влияний и

взаимодействий; 5) соотношение языка и типов мировосприятия, русского – и английского языков, языка – и литературного рода и жанра, стиха – и прозы — это суть языковой концепции Бродского; для него язык имеет исключительный, доминантный статус в общей иерархии ценностей.

Бродский сблизил два языка и соответствующие культуры, став носителем двух разнородных поэтических традиций.

Эссеистика Бродского – это сложнейший комплекс автобиографических сюжетов, исторических и культурологических экскурсов. Эссеистика И. Бродского распадается на две части: большая – это эссе, посвященные поэтам и поэзии; меньшая – эссе, которые условно можно именовать «биографическими». Среди автобиографических эссе Бродского выделяются три главных вида: прямые рассказы о собственной жизни («Меньше единицы» и «Полторы комнаты»), воспоминания о людях, оказавших на него наибольшее литературное и человеческое влияние («Поклониться тени»), и эссе в жанре «путешествия» («Путешествие в Стамбул», «Посвящается позвоночнику»).

В своих эссе Бродский часто освещает проблему языка в разных аспектах. Автор понимает все лингвистические явления (например, лексику и синтаксис) как отражение картины мира. Перемена в языке способна повлечь роковые последствия глобального характера, сотрясая основы самого бытия. Бродский особо выделяет конкретный, лингвистико-поэтический аспект времени. Цель поэта он видит в познании того, что время делает с людьми, а также того, что язык делает со временем.

Для данного автора языком поэзии является русский, языком же прозы – английский. Поэзия, согласно концепции Бродского, есть высшее воплощение языка, в то время как проза – лишь продолжение поэзии другими средствами, то есть явление производное, вторичное. Русский язык как язык поэзии для Бродского – это лучшая форма бытования, английский же как язык прозы имеет больше прикладное, вспомогательное значение. Родной русский для Бродского – почти сакрально понимаемый источник творчества, в то время как английский стал воплощением языковой прагматики, почему Бродский и создал эссеистику, отличающуюся четкостью стиля, образов и наблюдений.

Главное, когда мы говорим о билингвизме И. Бродского, то имеем в виду не только одинаково великолепное владение им русским и английским языками, но и языком поэзии и языком прозы, что есть достаточно редкое явление в литературе. Бродский – не только талантливый поэт, но и блистательный эссеист, хотя даже в прозе он остается все-таки поэтом: его проза – это проза именно поэта. Аналогичная ситуация и при его обращении к тому или иному языку: приоритетный для него – все же русский (об этом свидетельствует, в первую очередь, использование им русского именно при написании стихов, которые поэт считал высшей формой бытования Языка). Каким бы совершенным ни было его творчество на английском языке, оно все же имело выраженный «иностраный акцент», что отмечали многие

литературоведы. Так что, называя Бродского билингвом, все же расставим приоритеты: это, в первую очередь, русский поэт.

В диссертации мы постарались раскрыть синтетический характер эссе И. Бродского на примере произведений «Путешествие в Стамбул» и «Набережная неисцелимых».

В частности, в работе указано, что эссе «Путешествие в Стамбул» – это самое «подвижное» в следовании законам жанра сочинение Бродского: это временами почти статья, культурологический трактат, существующий по законам лирического стихотворения. Живые зарисовки тут чередуются с теоретическими фрагментами, причем, первые, — это своего рода стихи в прозе. Доказательством синтетического характера эссе Бродского является и эссе «Набережная Неисцелимых», которое построено по художественным законам лирического произведения. Жанр этого произведения – новое явление в литературе: это книга автобиографической и литературно-критической прозы; литературоведение, философия, эстетика именно поэта.

Отметим некоторые из упомянутых нами средств поэтизации прозы И.Бродского. Это: метафорическая насыщенность, общая с лирикой тематика: проблемы выживания и смерти, веры и безверия, приоритета вещественного над духовным, политики над поэзией, общественного над частной жизнью индивидуума и т.д.; частые в прозе автоцитаты из лирических произведений; обилие звуковых отражений, лексических и синтаксических параллелизмов; слияние привычных мотивов лирики И. Бродского с прозой для создания стихотворения в прозе; адаптация поэтических образов к прозаическому контексту; активное использование аллитераций и ассонансов, анафор и эпифор, звукоподражаний и фоносемантики; многочисленные ритмические вкрапления; обилие синтаксических параллелизмов, афоризмов, которые можно считать моностихами и самостоятельными творениями; произвольное перестраивание ритма письменной прозы на особый лад; бессюжетность прозы И. Бродского, что характерно для поэзии; и т.д.

Бродский обновил жанр эссе за счет привнесения в него законов создания поэтического текста, так что стиль его письма свидетельствует о неотделимости его прозы от поэзии и движении к новому поэтическому порядку XX столетия. Написав свои необычные эссе, Бродский продемонстрировал, что полярность вышеназванных литературных родов преодолима. Бродский пытается донести, что жанр – явление подвижное, открытое для влияний и взаимодействий. Тем более, когда речь идет о таком неканонизированном явлении, как эссе, которое стоит на границе художественной литературы и публицистики.

Соотношение русского и английского языков, стиха и прозы — это линия, развивая которую Бродский пришел к идее о «диктате языка». Данная концепция Языка с большой буквы выросла из конфликта в одном человеке

двух языков, двух цивилизаций, одна из которых была прошлым, другая — настоящим и будущим. Бродского характеризуют преданность и служение языку, почти мистическое отношение к нему как к самому святому, началу начал. Так что язык в поэтической картине мира данного автора имеет исключительный статус.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Английский и русский языки как два типа мировосприятия Иосифа Бродского // Проблема жанра в филологии Дагестана. Материалы межрегиональной научной конференции. Ноябрь, 2010. Вып. 6. – Махачкала, 2010. – С. 97–102.
2. Интертекстуальность творчества Иосифа Бродского: русский поэт и англо-американская лирика // Проблемы жанра в филологии Дагестана. Материалы межрегиональной научной конференции. Вып. 4. – Махачкала, 2009. – С. 80–84.
3. Отношения Языка и Времени в интерпретации Иосифа Бродского.
4. Поэзия и проза И. Бродского: соотношение языков и литературных родов // Изучение фольклора, литературы и языков народов Дагестана. Вып. 4. – Махачкала, 2009. – С. 84–90.
5. Проблема автоперевода в творчестве двуязычного поэта Иосифа Бродского.
6. Путешествие с Иосифом Бродским по переименованному городу.
7. Специфика прозы поэта (на материале эссе Иосифа Бродского «Поэт и проза», «Путешествие в Стамбул») // Проблема жанра в филологии Дагестана. Материалы межрегиональной научной конференции. Ноябрь, 2010. Вып. 6. – Махачкала, 2010. – С. 89–97.
8. Язык литературы и язык государства в поэтике Иосифа Бродского (на материале эссе «Меньше единицы») // Региональный вестник молодых ученых. Вып. 20. – Москва, 2010. – С. 50–56.